

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОММУНИСТОВ СИБИРИ О ДЕМОКРАТИЗАЦИИ РКП(б) – ВКП(б) в 1920-е ГОДЫ

В статье рассмотрены политические представления сибирских коммунистов о демократизации большевистской партии в 1920-е годы. На основе опубликованных стенограмм партийных съездов и конференций, материалов периодической печати и архивных источников выяснено, что понимало под «внутрипартийной демократией» высшее партийное руководство, показано, как трансформировалось это понятие на протяжении 1920-х годов, вскрыты различия в трактовке «внутрипартийной демократии» ответственными работниками разных уровней и рядовыми коммунистами. Сделан вывод о том, что партийное руководство Сибири полностью восприняло те представления о демократизации партии, которые транслировал ЦК, но не сумело, однако, добиться того же от местных партийных организаций.

Ключевые слова: РКП(б), ВКП(б), Сиббюро ЦК, Сибкрайком, внутрипартийная демократия, политические представления, политическая повседневность.

Российская (с декабря 1925 г. — Всесоюзная) коммунистическая партия большевиков на протяжении почти семи десятилетий являлась единственной правящей партией в советской России. Политические представления и установки, ценностные ориентиры и поведенческие практики членов РКП(б) – ВКП(б) стали неотъемлемой частью советской политической повседневности. Представления о сущности коммунистического режима, о стоявших перед большевистской партией целях и задачах, о механизмах власти и её носителях служили основополагающими факторами, определявшими политику высшего партийного руководства. Проведение этой политики в жизнь в свою очередь зависело от того, насколько успешно транслировавшиеся из Центра идеи, ценности и установки воспринимались ответственными работниками и рядовыми членами партии на местах.

После взятия большевиками власти важнейшим программным требованием РКП(б) являлось построение государства на принципах «пролетарской, или советской демократии». Программа РКП(б), утвержденная в марте 1919 г. VIII партийным съездом, провозгласила главной задачей большевистской партии проведение в жизнь «высшего типа демократизма, требующего для своего

правильного функционирования постоянного повышения уровня культурности, организованности и самостоятельности масс»¹. Решению этой явно непростой задачи должно было способствовать соблюдение демократических принципов внутри самой РКП(б). Несмотря на то, что большевистская партия со времени ее создания являлась жестко централизованной организацией вождистского типа, завершение гражданской войны и укрепление политических позиций большевиков в России позволили руководству РКП(б), тем не менее, поставить вопрос о внутрипартийной демократии. С начала 1920-х годов этот термин стал неотъемлемой составляющей политического дискурса, а обсуждение на различных партийных собраниях методов и результатов проведения внутрипартийной демократии в жизнь приобрело едва ли ни ритуальный характер.

Значение, придаваемое большевиками внутрипартийной демократии, обусловило неподдельный интерес к ней со стороны советских историков. Наглядным подтверждением этого факта является как наличие многочисленных специальных исследований², так и целых разделов в публикациях, посвященных истории коммунистической партии и отдельных её организаций³. Рас-

¹ Программа Российской коммунистической партии (большевиков) // Коммунистическая партия Советского союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. С. 76.

² *Гаврилов А.М.* Внутрипартийная демократия в большевистской партии. М., 1951. 144 с.; *Макаева А.Т.* Развитие внутрипартийной демократии в РКП(б) в восстановительный период (1921–1925 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1953. 17 с.; *Коптева Е.А.* Борьба КПСС за развертывание внутрипартийной демократии в период между XIV и XV съездами (1926–1927 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1960. 24 с.; *Клочко В.Ф.* Внутрипартийная демократия и партийная дисциплина. М., 1967. 61 с.; *Карев М.В.* Развитие внутрипартийной демократии в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969. 20 с.; *Поспехов В.П.* Деятельность Московской партийной организации по дальнейшему развитию внутрипартийной демократии в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976. 30 с.; *Паршиков Н.А.* Борьба за развитие внутрипартийной демократии в начальный период социалистической реконструкции народного хозяйства СССР (1926–1929 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. 24 с.; и др.

³ См., например: *Андрухов Н.Р.* Партийное строительство в период борьбы за победу социализма в СССР (1917–1937 гг.). М., 1977. С. 145–224; *Он же.* Партийное строительство в период борьбы за победу социализма в СССР (1917–1937 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1978. С. 32–42; *Молеготовов И.А.* Сибкрайком. Партийное строительство в Сибири (1924–1930 гг.). Новосибирск,

смотрев формы и методы работы партийных органов, их деятельность по выдвижению рабочих и крестьян, а также вопросы о критике и самокритике в партии, советские авторы констатировали, что в 1920-е годы в РКП(б) – ВКП(б) происходило «последовательное расширение и углубление партийной демократии». Они утверждали, что эта тенденция являлась воплощением одного из главных ленинских принципов, и приводили в доказательство цитату из небольшой брошюры, опубликованной В.И. Лениным еще в январе 1907 г. В ней Владимир Ильич писал: «Российская социал-демократическая рабочая партия организована демократически. Это значит, что все дела партии ведут, прямо или через представителей, все члены партии, на равных правах и без всякого исключения; причем все должностные лица, все руководящие коллегии, все учреждения партии — выборные, подотчетные, сменяемые»¹. Приняв это определение за непреложную и неизменную истину и закрыв глаза на несоответствие декларированного принципа советским реалиям, исследователи стремились доказать, что партийное руководство было подлинно коллективным, а взаимоотношения между партийными органами разных уровней — по-настоящему демократическими.

В начале 1990-х годов ситуация заметно изменилась. Методологический плюрализм и доступ к новым, неизвестным прежде историческим источникам позволили историкам установить новые факты и пересмотреть прежние выводы. В научный оборот был введен обширный материал, свидетельствующий о том, что в РКП(б) – ВКП(б) имелись серьезные разногласия по вопросам о состоянии партии, возможности и своевременности допущения внутрипартийной демократии, о формах и методах проведения её в жизнь². Вскрыв противоречие между большевистской пропаган-

1978. С. 250–304; *Мельников В.П.* Коммунистическая партия в 20–30-х годах: опыт и противоречия внутрипартийной работы. М., 1991. С. 94–123; и др.

¹ *Ленин В.И.* Социал-демократия и выборы в думу // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М., 1972. Т. 14. С. 252.

² *Земцов Б.Н.* Оппозиционные группировки 20–30-х годов (саморазрушение революции). М., 1992. 126 с.; *Олех Г.Л.* Поворот, которого не было: борьба за внутрипартийную демократию 1919–1924 гг. Новосибирск, 1992. 198 с.; *Он же.* «Омское дело» 1922 г.: хроника и смысл событий // *Из прошлого Сибири.* Новосибирск, 1994. Вып. 1. Ч. 1. С. 101–123; РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы, 1923: Документы и материалы / Отв. сост. В.П. Вилкова. М., 2004. 462 с.; *Павлюченков С.А.* «Орден меченосцев»: партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008. 463 с.; и др.

дой и реально существовавшими в РКП(б) – ВКП(б) бюрократическими и олигархическими тенденциями, исследователи, тем не менее, по-разному объясняли и объясняют трансформацию, произошедшую с большевистской партией на протяжении 1920-х годов. Одни полагают, что при В.И. Ленине в партии наметилась некая демократическая тенденция, которая, однако, оказалась пресечена в результате укрепления политических позиций И.В. Сталина и его победы над внутривнутрипартийной оппозицией, привела к установлению тоталитарного режима¹. Другие исследователи рассматривают ленинский политический курс как одну из предпосылок сталинизма, непосредственно предопределившую свертывание внутривнутрипартийной демократии².

Признавая аргументированность как первой, так и второй концепций, нужно вместе с тем отметить, что исследователи оставили в стороне сразу несколько принципиальных вопросов. Какой смысл вкладывало высшее партийное руководство в само понятие «внутрипартийная демократия»? Трансформировалось ли оно с течением времени? Как интерпретировали его ответственные работники областного, губернского и уездного уровня и каким образом воспринимали этот термин рядовые коммунисты? Представляется, что без ответов на эти вопросы невозможно в полной мере оценить ни сущность и результаты внутривнутрипартийных дискуссий, ни состояние РКП(б) – ВКП(б) в целом и наличие в ней демократических норм.

* * *

Созданная в начале XX века в виде узкой организации профессиональных революционеров, действовавших в основном нелегально, большевистская партия претерпела к началу 1920-х годов существенные изменения. Взятие большевиками государственной власти, установление советского режима на большей части бывшей Российской империи и затем победа в гражданской войне карди-

¹ *Роговин В.З.* Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. М., 1992. 400 с.; *Он же.* Власть и оппозиции. М., 1993. 400 с.; *Демидов В.В.* Политическая борьба и оппозиция в Сибири, 1922–1929 гг. Новосибирск, 1994. 165 с.; *Гусев А.В.* Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 1920-х годов // Отечественная история. 1996. № 1. С. 85–103; и др.

² *Олех Г.Л.* Поворот, которого не было: борьба за внутривнутрипартийную демократию 1919–1924 гг. Новосибирск, 1992. 198 с.; *Павлова И.В.* Сталинизм. Становление механизма власти. Новосибирск, 1993. 251 с.; *Назаров О.Г.* Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в период НЭПа. М., 2000. 204 с.

нально изменили положение РКП(б) в стране и в обществе, превратили ее в привлекательную структуру для политически активных слоев населения. В результате численность партийных рядов резко выросла. С января 1917 по декабрь 1919 г. количество членов партии увеличилось с 23,6 тыс. до 431,4 тыс. человек¹. Причем теперь в РКП(б) вступали не только идейные революционеры, но и люди, одни из которых были далеки от политики в силу своей политической неграмотности, тогда как другие таким путем стремились внедриться во властные структуры. Показателем обеих отмеченных тенденций в некоторой степени может служить её социальный состав². По данным на январь 1920 г., РКП(б) состояла из 188,8 тыс. рабочих (43,8 % всей численности), 108,4 тыс. крестьян (25,1 %), 134,2 тыс. служащих и «прочих» (31,1 %)³. С одной стороны, такое соотношение позволяло квалифицировать РКП(б) как рабоче-крестьянскую партию, что в общем и целом соответствовало тому имиджу, который старалось поддерживать её руководство. С другой стороны, многие новоиспеченные ее члены, особенно из крестьянской среды, не только плохо знали и понимали Программу и Устав РКП(б), но и зачастую были элементарно безграмотными, не умели даже читать и писать, а многие служащие и так называемые бывшие «буржуазные специалисты» не разделяли коммунистическую идеологию.

Политическая и элементарная неграмотность рядовых коммунистов, стремление высшего партийного руководства к удержанию власти путем ужесточения внутрипартийной дисциплины, централизация аппарата, сохранение милитаристских методов работы привели к углублению внутрипартийных проблем и нарастанию негативных тенденций. Не случайно состоявшаяся в сентябре 1920 г. IX конференция РКП(б) признала свершившимся фактом наличие в партии «верхов» и «низов», бюрократизацию партаппарата, отсутствие должных условий для свободы критики.

Одной из наиболее важных внутрипартийных проблем, обсуждавшихся на конференции, стал вопрос о неравенстве в РКП(б).

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 144. Л. 3; Оп. 68. Д. 145. Л. 102.

² Из-за слабости системы учёта в первые годы Советской власти партийные органы фиксировали только так называемое «социальное положение» коммунистов, под которым большевики понимали социальный статус на момент вступления в партию, т.е. «социальное происхождение», что далеко не всегда соответствовало реальному социальному положению.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 235. Л. 210.

Выступивший с докладом «Об очередных задачах партии» кандидат в члены Политбюро ЦК и председатель исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьев заявил, обращаясь к делегатам конференции: «Не надо обманывать себя тем, что мы здесь сейчас собрались от „низов“. Мы, все вместе взятые, как партийный слой, и есть „верхи“, на этот счет не нужно заблуждаться»¹. Большинство ЦК и представители так называемой «рабочей оппозиции» прямо обращали внимание на колоссальную разницу в условиях жизни ответственных работников и основной «трудающей массы». В резолюции, принятой по докладу Г.Е. Зиновьева, было зафиксировано, что «это неравенство нарушает демократизм и является источником разложения партии и понижения авторитета коммунистов»².

Примечательно, однако, что ни докладчик, ни делегаты, выступившие в прениях, даже приблизительно не сформулировали, что они вкладывают в термин «демократизм». Их понимание внутривнутрипартийной демократии проявилось исключительно в противопоставлении её таким явлениям как неравенство, назначенчество, бюрократизм, разложение партии.

Для преодоления названных негативных явлений IX конференция РКП(б) предложила принять ряд мер, среди которых были названы регулярное проведение общих партийных собраний, организация пропагандистской работы, учреждение при «Известиях ЦК РКП(б)» и при аналогичных печатных органах губернского уровня специальных дискуссионных листков, в которых, по выражению Г.Е. Зиновьева, «каждый член партии имел [бы] возможность изложить свой взгляд»³, систематические кадровые переборки, замена назначений рекомендациями. Признав, таким образом, необходимость постепенной демократизации партийной жизни, высшее партийное руководство вместе с тем продемонстрировало свою неготовность к кардинальным переменам в РКП(б). Формальный отказ от назначенчества, как справедливо отметил Г.Л. Олех, на самом деле означал лишь замену одного термина другим, а сама резолюция «оставляла широкий простор для бюрократических маневров»⁴.

Практика назначения кадров была не только сохранена, но и

¹ Девятая конференция РКП(б). Сентябрь 1920 г. Протоколы. М., 1972. С. 146.

² Там же. С. 281.

³ Там же. С. 148–149.

⁴ Олех Г.Л. Поворот, которого не было: борьба за внутривнутрипартийную демократию 1919–1924 гг. Новосибирск, 1992. С. 54.

заметно расширена, выборы на руководящие должности в уездных, губернских и областных организациях носили декоративный характер, а свобода критики допускалась, как правило, в ограниченном виде. Например, вместо «дискуссионных листков», которые предполагалось издавать в качестве приложений к печатным органам губкомов партии, были учреждены лишь небольшие «дискуссионные отделы» внутри некоторых, но далеко не всех, партийных газет и журналов.

В Сибири первый такой отдел был учрежден в октябре 1920 г. в областной партийной газете «Известия Сиббюро ЦК РКП(б)». С 17 октября по 16 декабря 1920 г. в этой рубрике были напечатаны в общей сложности семь статей, четыре из которых принадлежали двум членам самого Сиббюро ЦК: начальнику Сибирского политического управления путей сообщения В.Н. Яковлевой и заведующему агитационно-пропагандистским отделом Сиббюро ЦК Е.М. Ярославскому¹. Это означало, что большинство публикаций, которые выдавались за дискуссионные, на самом деле отражали точку зрения высшего партийного органа Сибири и были нацелены не столько на обеспечение свободы критики, сколько на пропаганду идей, транслировавшихся из ЦК. Однако даже в таком искаженном варианте «дискуссионный отдел» не получил широкого распространения. Из шести сибирских губкомов примеру Сиббюро ЦК последовал только Томский, учредивший в начале 1921 г. аналогичную рубрику в «Известиях Томского губернского комитета РКП(б)»².

Тогда же, в середине января 1921 г., Сиббюро ЦК предприняло попытку реформатировать «дискуссионный отдел» «Известий Сиббюро ЦК» в полноценный «дискуссионный листок». В номере от 17 января для этого были выделены две полосы, вместившие сразу четыре публикации. Анализ их содержания наглядно демонстрирует неоднородность и противоречивость имевших место в РКП(б) политических представлений. Так, один из авторов писал:

¹ *Ярославский Е.М.* Надо оживить работу (к вопросу о способах оживления «верхов» и «низов» и коммунистического воспитания членов партии) // Известия Сиббюро ЦК РКП(б) (Омск). 1920. 21 ноября; *Яковлева В.* Все о том же // Известия Сиббюро ЦК РКП(б) (Омск). 1920. 28 ноября; *Она же.* Еще о профсоюзах // Известия Сиббюро ЦК РКП(б) (Омск). 1920. 16 декабря.

² *В.М.* Неотложные задачи в деле укрепления партии // Известия Томского губернского комитета РКП(б). Томск, 1921. № 1. С. 14; *П. В[ерхотуров]в.* О «верхах» и «низах» // Там же. С. 15.

«Рабочая демократия, это означает — долой бюрократию, где бы то ни было, — в партии, совете или профессиональном союзе. Рабочая демократия — это означает, прежде всего, самостоятельность рабочих масс в какой бы организации они не состояли. И принципы рабочей демократии отнюдь не надо смешивать с принципами обязательного равноправия в деле питания, жилья, одежды, средств сообщения и т.д.»¹. Такое понимание рабочей демократии отличалось от положений, выдвинутых IX конференцией РКП(б), как минимум в двух аспектах. Во-первых, оно допускало распространение рабочей демократии на советы и профсоюзы, тогда как конференция обсуждала возможности демократического развития пока только внутри РКП(б). Во-вторых, в резолюции партконференции неравенство связывалось именно с разницей в уровне жизни, что так решительно отрицал автор дискуссионной статьи.

И всё же эти разночтения казались не столь серьезными на фоне опубликованной в том же «дискуссионном листке» статьи бывшего военного комиссара 26 и 35-й стрелковых дивизий А.Л. Шифреса, откомандированного осенью 1920 г. на партийную работу на Черемховские копи. Характеризуя состояние партии, автор прямо обвинил высшее партийное руководство в «бланкизме», под которым подразумевал единоличное управление узкой группы революционеров, установление военной дисциплины, отстранение широких партийных и беспартийных масс от принятия политических решений². Критика сложившегося положения была столь жесткой, что статью было решено напечатать только в «сопровождении» почти равной ей по объему публикации Е.М. Ярославского, доказывавшего ошибочность и вредность изложенных А.Л. Шифресом идей³.

Допуская такие статьи к печати, редакция «Известий Сиббюро ЦК» прямо выполняла директиву IX партийной конференции. Однако опасность оказаться виновными в распространении взглядов, противоречивших линии ЦК, была столь велика, что члены редколлегии готовы были использовать любую возможность для того, чтобы избавиться от столь тяжелой ответственности.

¹ *Файнгольд Б.* О рабочей демократии и профессиональных союзах // Известия Сиббюро ЦК РКП(б) (Омск). 1921. 17 января.

² *Шифрес А.* К кризису русского рабочего движения // Известия Сиббюро ЦК РКП(б) (Омск). 1921. 17 января.

³ *Ярославский Е.М.* Отрывка махаевщины в коммунизме // Известия Сиббюро ЦК РКП(б) (Омск). 1921. 17 января.

Заметно ускорили решение об отказе от публикации дискуссионных статей кадровые перемены. Отъезд из Сибири сначала В.Н. Яковлевой, отозванной в распоряжение ЦК еще в декабре 1920 г., а затем Е.М. Ярославского, выехавшего в Москву в феврале 1921 г. для участия в работе X съезда партии, лишили редакцию «Известий Сиббюро ЦК» двух основных авторов, способных направлять ход дискуссии в нужное русло и, как в случае с А.Л. Шифресом, умело оспаривать положения, не соответствовавшие точке зрения областного руководства. С этого времени в официальном печатном органе Сибирского бюро ЦК больше не было напечатано ни одной дискуссионной статьи. С апреля 1921 г., ориентируясь на областной печатный орган, отказались от этой практики также и «Известия Томского губкома РКП(б)».

Закрытие «дискуссионного листка» и даже «дискуссионных отделов», требования железной дисциплины от всех членов партии, откомандирование и назначение на ответственные посты партийных работников из других краев и областей советской России свидетельствовали о прочном укоренении в РКП(б) милитаристских форм и методов работы. Но завершение гражданской войны на большей части территории России и постепенный переход к мирной жизни с новой силой актуализировали вопрос о развитии внутрипартийной демократии. Впервые прямо и определенно он был поставлен на состоявшемся в конце марта — начале апреля 1921 г. X съезде РКП(б), выявившим несколько различных точек зрения на эту проблему.

Наиболее осторожную позицию занял кандидат в члены Политбюро ЦК и главный редактор газеты «Правда» Н.И. Бухарин, выступивший на съезде с докладом о партийном строительстве. Оправдывая сложившееся в РКП(б) положение условиями военного времени, Н.И. Бухарин, тем не менее, признал необходимость постепенной демократизации партийной жизни. «Мы сейчас, — говорил Н.И. Бухарин, — должны стоять в общем за формы рабочей демократии внутри партии, которые могут выразиться в выборности, широких дискуссиях и т.д. и т.д. [...] Предварительная центральная задача, которая перед нами выдвигается и разрешения которой требует момент, это — вопрос о формах организации партии, и эта задача должна быть разрешена установлением рабочей демократии»¹.

¹ Протоколы X съезда РКП(б). М., 1933. С. 233.

Первое, что обращает на себя внимание в приведенной цитате, как и в докладе о партийном строительстве в целом — это использование в качестве синонимов двух в сущности разных терминов: «внутрипартийная демократия» и «рабочая демократия». По всей видимости, члены РКП(б), позиционировавшей себя «авангардом пролетариата», действительно воспринимали эти понятия как тождественные. Однако для Н.И. Бухарина, активно оперировавшего именно вторым вариантом, такая взаимозаменяемость терминов имела свое практическое значение. Ассоциируя демократию прежде всего с рабочим классом, докладчик предложил наиболее активно проводить её в партийных организациях с высоким процентом рабочих и ограничивать в тех, в которых преобладали другие социальные категории. Кроме того, Н.И. Бухарин настойчиво предостерегал делегатов съезда от распространения демократических методов работы за пределы РКП(б), а также акцентировал внимание на том, что при изменении политической ситуации демократия может быть незамедлительно свернута и внутри самой партии.

Гораздо более радикально были настроены представители оппозиционных течений. Странник так называемой «рабочей оппозиции», член партии с 1912 г. Е.Н. Игнатов утверждал: «Партия должна решительно встать на сторону принципов рабочей демократии, отбросить мелочную опеку и пойти на доверие к сознательности “низов”». Необходимым условием проведения внутрипартийной демократии «рабочая оппозиция» считала отмену «назначенства» и обеспечение подлинной выборности на партийные должности. Отстаивая эту точку зрения, Е.Н. Игнатов беспелляционно заявил: «С этим институтом уполномоченных и назначенцев нужно покончить!»¹.

С не меньшим упорством необходимость курса на внутрипартийную демократию отстаивала группа «демократического централизма». Выступивший от её имени член партии с 1903 г. В.Н. Максимовский солидаризировался с Н.И. Бухариным в том, что «в обстановке боя, конечно, нельзя применять никаких демократических форм», но в то же время выступил с категорическим протестом против механического перенесения «военных приемов в ту область, где они не нужны»². По мнению В.Н. Максимовского, именно введение демократических форм работы являлось неотъемле-

¹ Протоколы X съезда РКП(б). М., 1933. С. 240–242.

² Там же. С. 246–247.

мым условием повышения уровня политической подготовки и сознательности рядовых коммунистов. Основным предложением «децистов» по вопросу о проведении внутрипартийной демократии в жизнь являлось обеспечение свободного обсуждения внутри партии разных вопросов и создание «свободы мнений для отдельных товарищей и групп» в РКП(б)¹.

Результатом дискуссии о партийном строительстве стала резолюция, утвержденная съездом 16 марта 1921 г. Именно в этом документе впервые в истории большевистской партии было четко сформулировано официальное определение внутрипартийной демократии. «Под рабочей внутрипартийной демократией, — гласил 18 пункт резолюции, — разумеется такая организационная форма при проведении партийной коммунистической политики, которая обеспечивает всем членам партии, вплоть до наиболее отсталых, активное участие в жизни партии, в обсуждении всех вопросов, выдвигаемых перед ней, в решении этих вопросов, а равно и активное участие в партийном строительстве». Далее уточнялось: «Форма рабочей демократии исключает всякое назначенчество, как систему, а находит свое выражение в широкой выборности всех учреждений снизу доверху, в их подотчетности, подконтрольности и т.д.»². Это определение, носившее во многом компромиссный характер, объединило в себе как осторожную позицию Центрального комитета, так и довольно радикальные идеи «рабочей оппозиции», выступавшей за абсолютный отказ от назначения на ответственные посты.

Формально удовлетворив тем самым требования оппозиционно настроенных делегатов, X партийный съезд в то же время принял решение, серьезно ограничивавшее возможности проведения внутрипартийной демократии в том виде, в котором это предлагалось в выше названной резолюции. Решающее значение имело заявление В.И. Ленина, провозгласившего с трибуны съезда, что коммунистическая партия не является дискуссионным клубом³. Призвав делегатов к дружной и сплоченной работе, В.И. Ленин провел через съезд резолюцию «О единстве партии». Седьмой пункт этой резолюции, не подлежавший опубликованию в печати, предоставлял Центральному комитету полномочия «применять в

¹ Протоколы X съезда РКП(б). М., 1933. С. 254.

² Там же. С. 609.

³ Там же. С. 527.

случае нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии»¹. В итоге сложилась парадоксальная по своей сути ситуация. Документально закрепив в резолюции о партийном строительстве право всех членов партии на участие «в обсуждении всех вопросов», съезд в то же время предостерегал коммунистов от «неделовой и фракционной критики», к которой на практике могло быть приравнено любое нежелательное для высшего партийного руководства высказывание.

Двойственность решений X съезда, который, казалось бы, дал четкое определение внутривнутрипартийной демократии, привела в замешательство низовые партийные организации. Поведение губернских и уездных комитетов во многом зависело от того, какую из двух противоречивших друг другу резолюций они принимали в качестве руководства к действию. В середине июля 1921 г. член Сибирской контрольной комиссии, член партии с 1905 г. Л.Б. Суница, анализируя сложившееся в Сибири положение, писал о существовании здесь сразу двух крайностей: с одной стороны, «демократического» преклонения перед «волей масс», грозящего ослаблением партийного руководства, а с другой — ситуации, когда парткомы «зажимают рот», причем не только представителям оппозиции, но «подчас и всей периферии»².

Стремясь преодолеть такие явления, Сиббюро ЦК направляло на места специальные директивы, осуществляло непосредственное инструктирование губернских и уездных работников, активно использовало для пропаганды «правильных» представлений о внутривнутрипартийной демократии партийную печать. Однако явное несоответствие принятой X съездом резолюции «О партийном строительстве» политическим реалиям времени неизбежно вело к нарастанию недовольства в РКП(б) и возникновению серьезных разногласий между партийными органами разного уровня. Одним из наиболее резонансных оказался конфликт, развивавшийся между Омским губкомом РКП(б) и Сибирским бюро ЦК с января по май 1922 г. и известный в историографии как «Омское дело»³.

¹ Резолюция о единстве партии // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2: 1917–1922. М., 1983. С. 336–337.

² Суница Л. Внутривнутрипартийная демократия // Известия Сиббюро ЦК РКП(б) (Омск). 1921. 15 июля.

³ Подробнее см.: Олех Г.Л. «Омское дело» 1922 г.: хроника и смысл событий // Из прошлого Сибири. Новосибирск, 1994. Вып. 1. Ч. 1. С. 101–123.

Несмотря на резолюцию X съезда РКП(б), формально провозгласившую выборность всех партийных органов, основным методом проведения кадровой политики в партии по-прежнему оставалось назначение на руководящие должности. ЦК РКП(б) продолжал «рекомендовать», а фактически именно назначать ответственных работников на все более-менее значимые посты вплоть до секретарей губернских комитетов. Состав губкомов, формально избиравшихся на губернских партийных конференциях, на самом деле формировался по рекомендации областных комитетов партии, предлагавших на голосование список подлежащих избранию кандидатур. Поэтому когда в январе 1922 г. Омская губернская партийная конференция отклонила список кандидатов, рекомендованных Сиббюро ЦК, и самостоятельно избрала состав нового губкома, областной центр воспринял случившееся не иначе как недопустимое нарушение внутривнутрипартийной дисциплины.

Иного мнения придерживалось новое руководство омской партийной организации. Избранные в состав губкома бывший секретарь Омского уездного комитета РКП(б) И.Е. Потемкин, а также бывшие члены районных комитетов РКП(б) города Омска Н.А. Максимов и Ф.М. Шемис отстаивали необходимость активного проведения внутривнутрипартийной демократии путем обеспечения выборности должностных лиц, свободы мнений внутри РКП(б), орабочения партийного аппарата и временного откомандирования ответственных работников на производство, благодаря чему все трое оказались в числе сторонников «рабочей оппозиции».

И хотя перечисленные требования, по справедливой оценке Г.Л. Олеха, «ничуть не выходили за рамки официально декларированных в 1920–1921 гг. принципов и форм демократизации партийного режима»¹, высшее и областное партийное руководство применили к «непокорному» губкому самые жесткие санкции. В апреле 1922 г. Оргбюро ЦК постановило отозвать из Омска членов президиума губкома и заново сформировать последний из партийных работников, рекомендованных Сиббюро ЦК и Центральным комитетом. В мае того же года по решению Сиббюро ЦК вся губернская партийная организация была подвергнута основательной чистке, по итогам которой 176 членам партии были объявлены выговоры и 18 коммунистов оказались отозваны из губер-

¹ Олех Г.Л. «Омское дело» 1922 г.: хроника и смысл событий // Из прошлого Сибири. Новосибирск, 1994. Вып. 1. Ч. 1. С. 119.

нии¹. На заседании Центральной контрольной комиссии, которое состоялось в Москве 2 июня 1922 г., бывшее руководство Омской организации было обвинено в невыполнении решений вышестоящих органов, И.Е. Потемкин и Ф.М. Шемис — исключены из рядов РКП(б), а другие члены оппозиционного губкома получили различные партийные взыскания.

Меры, принятые по отношению к омскому руководству, действовавшему под лозунгом демократизации партийной жизни, наглядно свидетельствовали о том, что сформулированное X съездом РКП(б) определение внутрипартийной демократии имело в действительности мало общего с истинными представлениями высшего и областного партийного руководства о том, как должны строиться взаимоотношения внутри партии. Продолжая пропагандировать идею развития рабочей демократии, ЦК и его Сибирское бюро последовательно блокировали этот процесс на практике. Применявшиеся для этого административно-репрессивные меры, конечно, не могли снять расхождения между теорией и практикой и только усиливали существовавшее в партийной среде недовольство.

Напряженность, продолжавшая нарастать внутри РКП(б), нашла очередной выход в середине октября 1923 г., когда сорок шесть «старых» большевиков обратились с письменным заявлением в Политбюро ЦК. Наряду с известными оппозиционерами — В.Н. Максимовским, Е.А. Преображенским, Г.Л. Пятаковым, Т.В. Сапроновым, в числе подписантов оказались и те коммунисты, которые прежде последовательно и рьяно проводили линию ЦК. В своем заявлении они констатировали факт хозяйственного и финансового кризиса в СССР, неправильность партийного руководства, разделение РКП(б) «на секретарскую иерархию» и «мирян». «Свободная дискуссия внутри партии, — говорилось в письме, — фактически исчезла, партийное общественное мнение заглохло». Охарактеризовав установившийся режим как совершенно нестерпимый и убивающий «самодеятельность масс», подписанты предлагали как можно скорее заменить его «режимом товарищеского единства внутрипартийной демократии»².

¹ Энциклопедия города Омска: в 3 т. / Под ред. Г.А. Павлова, Л.В. Новоселовой, С.Г. Сизова. Т. 1: Омск: от прошлого к настоящему. Омск, 2009. С. 300.

² «Заявление 46-ти» в Политбюро ЦК РКП(б). 15 октября 1923 г. // РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы, 1923: Документы и материалы. М., 2004. С. 180–186.

Новость о письме сорока шести коммунистов довольно быстро вышла за пределы Центрального комитета. Не имея возможности далее скрывать назревшие разногласия, ЦК РКП(б) был вынужден вынести вопрос на всеобщее обсуждение. Чтобы хоть как-то оправдать почти трехнедельное замалчивание тех претензий, которые были сформулированы оппозиционно настроенными коммунистами, высшее партийное руководство мастерски приурочило дискуссию к очередному юбилею Октябрьской революции. 7 ноября 1923 г. газета «Правда» опубликовала статью Г.Е. Зиновьева с оценкой текущего состояния РКП(б)¹, сообщив при этом, что все затронутые автором вопросы редакция «ставит на дискуссию». Рядовым коммунистам и даже беспартийным рабочим было предложено обращаться в газету со своими письмами, статьями и заметками на заявленную тему². Таким образом, впервые вопрос о внутрипартийной демократии, ранее обсуждавшийся, самое большее, на съезде партии, оказался официально вынесен на широкую дискуссию.

В течение ноября газета регулярно публиковала поступавшие в редакцию отклики на статью Г.Е. Зиновьева, создавая тем самым видимость свободы мнений. Однако на первых порах местные партийные организации не проявили заинтересованности и активности. «Дискуссия по внутрипартийным вопросам, — писал член президиума ЦКК А.А. Сольц, — застала провинцию врасплох. Общая растерянность, выжидательное настроение — вот что характерно и для аппарата, и для отдельных ответственных работников»³. Так, ни один губернский партийный журнал Сибири в течение ноября не счел нужным проинформировать своих читателей о ходе дискуссии. В Сибирской партийной организации состояние партии и меры проведения внутрипартийной демократии в жизнь стали предметом открытого обсуждения только в декабре 1923 г., когда в столице дискуссия фактически была завершена.

Её итогом стала резолюция «О партийном строительстве», принятая объединенным пленумом ЦК и ЦКК 5 декабря 1923 г. В документе утверждалось, что интересы партии требуют изменения политического курса в сторону «действительного и систематиче-

¹ Зиновьев Г.Е. Новые задачи партии // Правда. 1923. 7 ноября.

² Отклики на статью Г.Е. Зиновьева, напечатанные «Правдой» в течение ноября 1923 г., опубликованы в книге «РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы, 1923» (М., 2004. С. 278–281).

³ А.С. Дискуссия и провинция (впечатления) // Правда. 1923. 5 декабря.

ского проведения принципов рабочей демократии». Далее приводилось пояснение: «Рабочая демократия означает свободу открытого обсуждения всеми членами партии важнейших вопросов партийной жизни, свободу дискуссий по ним, а также выборность руководящих должностных лиц и коллегий снизу доверху»¹.

Взяв таким образом за основу определение демократии, предложенное X съездом РКП(б), высшее партийное руководство внесло в него не очень явное, но весьма существенное изменение. Подтвердив право всех без исключения коммунистов на свободу мнений, ЦК и ЦКК отказали им в самом главном — «активном участии в партийном строительстве». Зато вынесенный X съездом запрет на создание фракций и группировок был полностью подтвержден. Резолюция почти дословно воспроизвела заявление В.И. Ленина, сделанное им в марте 1921 г. с трибуны X съезда, еще раз подтвердив, что партия «не может быть рассматриваема как дискуссионный клуб для всех и всяческих направлений»².

Большинство краевых и областных партийных организаций безоговорочно поддержали резолюцию ЦК и ЦКК. В Сибири 29 декабря 1923 г. состоялось специальное заседание Сиббюро ЦК РКП(б), посвященное вопросу «о внутривнутрипартийном положении в связи с дискуссией». По итогам обсуждения Сиббюро постановило, что «единогласно поддерживает курс, взятый Политбюро ЦК и ЦКК в резолюции о партстроительстве»³.

Стремясь добиться аналогичных решений от нижестоящих парткомов, областное партийное руководство направило на места письмо с разъяснением своей позиции, а также развернуло пропаганду через газеты и журналы. Вышедший в конце декабря 1923 г. номер «Известий Сиббюро ЦК» открывался статьей, сообщавшей о завершении дискуссии: «По сути дела дискуссия можно бы считать законченной, ибо решение принято и решение, объединяющее большинство партии, и теперь остается только последовательное проведение начал демократии в наших организациях»⁴. В завершение статьи Сиббюро выражало надежду на то, что все

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 398. Л. 13; Из резолюции ЦК и ЦКК РКП(б) «О партстроительстве». 5 декабря 1923 г. // РКП(б). Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы, 1923: Документы и материалы М., 2004. С. 288.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 398. Л. 14.

³ ГАНО. Ф.П-1. Оп. 3. Д. 41. Л. 284.

⁴ На повороте // Известия Сиббюро ЦК РКП(б). Новониколаевск, 1923. № 65–66. С. 3–5.

без исключения партийные организации Сибири примут резолюцию ЦК и ЦКК к немедленному исполнению, а также «целиком и полностью» смогут обеспечить её проведение в жизнь.

Наиболее оперативно на призывы Сиббюро ЦК отреагировал Енисейский губернский комитет. Уже 3 января 1924 г. секретарь губкома Р.Я. Кисис направил телеграмму одновременно в ЦК и в Сиббюро, в которой сообщал об одобрении губкомом нового курса. В подтверждение абсолютной солидарности с позицией высшего партийного руководства Р.Я. Кисис сообщал: «Считая необходимым широкое и свободное обсуждение по всей организации вопросов внутрипартийной жизни и строительства, а также и всех других вопросов политики партии, пленум [Енисейского губкома РКП(б)] решительно отвергает мысль о допустимости создания в партии фракций и группировок, могущих поколебать её единство»¹.

В январе 1924 г. правильность политической линии, принятой Центральным комитетом, была формально подтверждена решениями XIII конференции, а в мае 1924 г. — резолюцией XIII съезда РКП(б). Однако уже в ходе этих партийных форумов сталинским большинством было сформулировано совсем другое и более обобщенное понимание внутрипартийной демократии. В своем выступлении на XIII партконференции генеральный секретарь ЦК И.В. Сталин обвинил оппозицию в стремлении к свободе группировок и отождествлении демократии с фракционностью. «Мы не так понимаем демократию, — объяснял И.В. Сталин. — Мы демократию понимаем как поднятие активности и сознательности партийной массы, как систематическое втягивание партийной массы в дело не только обсуждения вопросов, но и в дело руководства работой»². Настаивая вслед за В.И. Лениным на невозможности превращения партии в «дискуссионный клуб», генсек утверждал: «Партийная масса понимает демократию как создание условий, обеспечивающих активное участие членов партии в деле руководства нашей страной, а пара интеллигентов из оппозиции понимает дело так, чтобы дали ей возможность создать фракцию»³.

На первый взгляд может показаться, что предложенная формулировка являлось лишь возвращением к понятию, сформулиро-

¹ ГАНО. Ф.П-1. Оп. 2. Д. 380. Л. 2.

² Тринадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевик). М., 1924. С. 154.

³ Там же.

ванному X съездом РКП(б): речь снова шла не только о свободе мнений, но и о возможности принимать участие в партийной работе при условии запрета внутрипартийных фракций. Однако на самом деле определение, данное И.В. Сталиным, являлось глубочайшей ревизией всех прежде существовавших представлений. Вместо свободы обсуждения важнейших вопросов «всеми членами партии», в число которых автоматически входили бы и представители оппозиции, на первый план оказалось выдвинуто «повышение активности и сознательности партийной массы», что было интерпретировано, в конечном счете, как необходимость дальнейшего расширения партийных рядов и ведения политико-просветительной работы среди рядовых коммунистов.

Такое смещение акцентов имело принципиальный характер. Вопреки позиции В.И. Ленина, неоднократно предостерегавшего своих товарищей от стремительного количественного роста коммунистической партии, XIII партийная конференция объявила необходимым в течение года «из числа коренных пролетариев привлечь в ряды РКП(б) не менее чем 100 тыс. новых членов»¹. Мощным катализатором этого процесса, позволившим скорректировать заявленные темпы, стала смерть В.И. Ленина. 29 января 1924 г. пленум ЦК принял постановление «О приеме рабочих от станка в партию», определившее трехмесячный срок проведения кампании². С этого времени, оставаясь вождистской по своей сути, РКП(б) вместе с тем приобрела черты массовой политической партии, под лозунгом расширения внутрипартийной демократии неуклонно продолжая принимать в свои ряды всё новых и новых членов.

Благодаря предельной простоте и идеологической привлекательности понимание внутрипартийной демократии, предложенное И.В. Сталиным на XIII партконференции, оказалось довольно жизнеспособным. Оно надежно закрепилось в представлениях высшего партийного руководства и было, что принципиально важно, быстро усвоено на более низких этажах партийной иерархии.

Свидетельством последнего являются циркулярные письма, разосланные губкомами партии подотчетным им организациям в

¹ Резолюция «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3: 1922–1925. М., 1984. С. 157.

² Постановление «О приеме рабочих от станка в партию» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3: 1922–1925. М., 1984. С. 184.

конце января – начале февраля 1924 г. В одном из них Енисейский губком разъяснял: «Проводя курс на внутрипартийную демократию, мы должны добиваться непрерывного идейного роста массы членов партии и их активного участия во всей практической работе»¹. Аналогичную позицию занял Омский губком, предлагавший нижестоящим парткомам и партийным ячейкам в числе мер по практическому проведению внутрипартийной демократии особый упор сделать на воспитательную работу среди членов партии, а также на активное и «неотложное» вовлечение беспартийных рабочих в РКП(б)².

Однако рассылка на места директив о проведении внутрипартийной демократии ни в коей мере не могла гарантировать единства взглядов среди всех членов Сибирской партийной организации. Некоторые партийные комитеты, ответственные работники, а уж тем более — рядовые коммунисты, мало вникавшие в сущность процессов, происходивших на партийном Олимпе, по своему интерпретировали этот термин. Многие восприняли взятый партией курс на развитие внутрипартийной, или рабочей, демократии прежде всего как расширение собственных прав. Так, в начале февраля 1924 г. в омской губернской газете «Рабочий путь» была опубликована статья, автор которой, некий И. Шамов, писал: «Рабочая демократия, как я её понимаю, обозначает такое построение партии и всех её организаций, при котором обеспечивается, с одной стороны, полная самостоятельность всех частей партийного организма, активное участие в жизни партии и ее строительстве широких слоев, обсуждение всех вопросов партийного строительства и тактики с полной свободой внутрипартийной критики; с другой [стороны, ...] подчинение по всем вопросам общепартийной политики всему партийному целому»³.

Об отношении краевого партийного руководства Сибири к такой точке зрения наиболее ярко свидетельствует экземпляр информационного отчета о работе Кузнецкого окружного комитета ВКП(б), подготовленного, судя по всему, осенью 1925 г. и 3 декабря поступившего в Сибирский краевой комитет ВКП(б). По вопросу о проведении в жизнь внутрипартийной демократии окружком выделил шесть «основных моментов»: 1) расширение состава бюро

¹ ГАНО. Ф.П-1. Оп. 2. Д. 400. Л. 20.

² Там же. Л. 10–15.

³ Шамов И. Еще о современных задачах партии // Рабочий путь (Омск). 1924. 3 февраля.

парткомов и ячеек; 2) отчетность парторганов перед партийной массой; 3) работа партийных комиссий; 4) рассылка постановлений и протоколов на места; 5) освещение деятельности парторганов в печати и 6) «автономность мест в разрешении местных вопросов». Если первые пять пунктов не вызвали возражений Сибкрайкома, то «автономность мест» была подчеркнута и сопровождалась выведенным на полях вопросом: «внутрипарт[ийная] демократ[ия]?»¹. К сожалению, авторство этой записи на сегодняшний день установить не удалось. Однако не вызывает сомнения, что она в полной мере отражала позицию краевого комитета в целом.

Члены бюро Сибкрайкома, лишь формально избравшиеся на пленумах, на самом деле рекомендовались, а в большинстве случаев еще и командировались в Сибирь Центральным комитетом. Являясь номенклатурой ЦК ВКП(б), они в полной мере восприняли представления высшего партийного руководства и прилагали все усилия для того, чтобы не допустить каких-либо отклонений от принятого партией курса. В феврале 1926 г. в краевом партийном журнале «Известия Сибкрайкома ВКП(б)» заведующий организационно-распределительным отделом и член бюро краевого комитета Р.Я. Кисис писал: «[...] Зачастую проведение этой демократии, углубление и расширение массовой работы толкуется, в особенности низовыми партийными ячейками, как прямое ослабление партийного руководства и даже отказ от него»². Полагая, что такое представление о внутрипартийной демократии может нанести «величайший вред» партийной работе, Р.Я. Кисис призвал партийные организации Сибири бороться с любыми отклонениями от линии ЦК и приложить все усилия для выполнения решений недавно завершившегося партийного съезда.

Ссылка на XIV съезд ВКП(б) была не случайной. Этот форум, состоявшийся в декабре 1925 г., в очередной раз подтвердил курс на демократизацию партийной жизни, причем в сталинском её понимании. Выступивший на съезде с организационным отчетом ЦК кандидат в члены Политбюро В.М. Молотов лишь немного дополнил и уточнил ту формулировку, которая была предложена И.В. Сталиным еще в январе 1924 г.: «Именно в активности масс, в критическом отношении партийных масс ко всей партийной ра-

¹ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 667. Л. 125.

² Кисис. Вопросы оргработы // Известия Сибкрайкома ВКП(б). Новосибирск, 1926. № 2. С. 21.

боте и в том числе к руководящим органам, в коллективной проверке своих решений, всей работы своей организации — в этом заключается внутрипартийная демократия»¹. Представление о внутрипартийной демократии как о «растущей самодеятельности масс» было также закреплено в резолюции, принятой по докладу Центральной контрольной комиссии².

С целью разъяснения решений XIV съезда ВКП(б) в январе 1926 г. официальный орган Центрального комитета журнал «Известия ЦК ВКП(б)» опубликовал передовую статью. В ней были перечислены основные мероприятия, проведение которых должно было, по мнению высшего партийного руководства, обеспечить проведение внутрипартийной демократии в жизнь. Среди них назывались «поднятие активности широких партийных масс в деле обсуждения и разрешения важнейших вопросов политики и работы партии», выборность партийных органов, выдвижение на руководящую работу новых кадров, поднятие теоретического уровня партактива, политическое просвещение рядовых коммунистов. Осознавая проблемы, связанные с неоднородностью политических представлений, ЦК акцентировал внимание на необходимости разъяснительной работы в низовых партийных организациях и особенно — в партийных ячейках³.

Для того, чтобы выяснить, верно ли местные партийные работники поняли директивы ЦК, и установить, насколько успешным было проведение этих директив в жизнь, высшее и краевое партийное руководство прибегало к специальным обследованиям. В Сибири первое такое обследование было проведено краевой контрольной комиссией в августе 1926 г. по программе ЦКК⁴. Его объектами стали шесть районных комитетов ВКП(б): по два в Новосибирской, Омской и Томской окружных организациях. Итоги проведенной проверки наряду с регулярной отчетностью окружных и районных парткомов были положены в основу специального обзора, составленного Сибкрайкомом 5 октября 1926 г.

Со ссылкой на директивы пленума и бюро краевого комитета в обзоре были обозначены основные направления, развитие которых, с точки зрения краевого руководства, должно было спо-

¹ XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). М., 1926. С. 85.

² Там же. С. 965.

³ Внутрипартийная демократия (к реализации решений XIV партсъезда) // Известия ЦК ВКП(б). М., 1926. № 3–4. С. 1.

⁴ ГИАОО. Ф.П-6. Оп. 1. Д. 70. Л. 91–103.

собствовать расширению демократии в РКП(б). Первым из них являлось «создание широкого партактива», вторым — «повышение политического и культурного уровня партийцев», а завершало этот краткий перечень «обеспечение выборности руководящих партийных органов»¹.

Признавая необходимость углубления работы по всем перечисленным направлениям, Сибкрайком вместе с тем возражал против ограничения внутрипартийной демократии каким-либо одним из них. «На местах, — говорилось в обзоре, — еще не все члены партии правильно понимают внутрипартийную демократию, часть коммунистов и ячеек весь вопрос сводят к проведению выборности руководящих партийных органов». Примеры такого рода искажений были зафиксированы в Бурят-Монгольской, Омской и Новосибирской партийных организациях. Для того, чтобы добиться исправления ошибок и недочетов, обзор, напечатанный в 46 экземплярах, был разослан не только представителям краевого партийного руководства, но и всем секретарям окружных комитетов.

Показателем того, насколько важное значение придавал Сибкрайком вопросу о внутрипартийной демократии, стала постановка этого вопроса на заседании бюро краевого комитета, состоявшемся 14 декабря 1926 года². Докладчиком выступил член Сибирской контрольной комиссии Я.П. Зоссе. Говоря о достижениях и ошибках парткомов в области проведения внутрипартийной демократии, Я.П. Зоссе, несомненно, представил тот подход, которого придерживалось краевое партийное руководство в целом. В качестве базовых критериев для оценки того, насколько активно и успешно парткомы проводят внутрипартийную демократию, им были избраны наличие «живой» связи между партийными комитетами и низовыми организациями, под которой подразумевались главным образом командировки членов парткомов на места; частота проведения конференций и партийных собраний; обновление состава партийных комитетов; выборность партийных органов; выдвижение на руководящие должности рабочих и крестьян; свобода или, напротив, ограничение свободы критики³.

Наиболее значительными достижениями в области развертывания внутрипартийной демократии Я.П. Зоссе назвал проведение

¹ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 2. Д. 151. Л. 52.

² ГАНО. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 10. Л. 186.

³ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 2. Д. 135. Л. 2–36.

окружками открытых заседаний бюро, на которых присутствовали не только их члены, но и так называемый партийный актив, политико-просветительную работу среди рядовых коммунистов, а также вовлечение последних в обсуждение внутрипартийных вопросов. В ряду выявленных контрольной комиссией недостатков оказались «излишние переброски выборных товарищей», плохо организованная отчетность парткомов перед соответствующими парторганизациями, слабо поставленная работа по выдвижению кадров, боязнь критики. Однако самой существенной проблемой участники заседания признали наблюдавшееся в некоторых ячейках понимание внутрипартийной демократии «в такой плоскости, что не всегда надо выполнять постановления вышестоящих партийных организаций»¹. В резолюции по докладу Я.П. Зоссе, принятой 21 декабря 1926 г. на очередном заседании бюро Сибкрайкома, говорилось: «Неправильное понимание сущности внутрипартийной демократии в некоторых случаях приводит к извращению внутрипартийной демократии, проявляющемуся в хвостизме и ослаблении руководящего влияния выборных органов»².

Тем самым обзор, составленный Сибкрайкомом в сентябре 1926 г., и доклад, заслушанный двумя месяцами позже, выявили две противоположные крайности в понимании внутрипартийной демократии: с одной стороны, сужение её до одной только выборности партийных органов, а с другой — напротив, расширенное толкование термина, грозящее ослаблением партийной дисциплины. В январе 1927 г. в очередной статье заведующий орграспредотделом Сибкрайкома Р.Я. Кисис подтвердил факт существования таких ошибочных, с его точки зрения, представлений, назвав наряду с ними и третье: отождествление демократии со свободой фракций и группировок в ВКП(б)³. Осудив все три названных подхода, Р.Я. Кисис объяснял: «Демократия заключается в создании широкого актива партии, новых кадров работников, которые могли бы широко участвовать в руководящей работе парткомитетов как в деле выработки партийных директив и решений, так и в деле их проведения в жизнь»⁴. Утверждая, что выборность партийных органов

¹ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 2. Д. 135. Л. 23.

² По вопросу о выполнении парторганизациями директив о внутрипартийной демократии // Известия Сибкрайкома ВКП(б). Новосибирск, 1927. № 1. С. 37.

³ Кисис Р.Я. К дальнейшему проведению внутрипартийной демократии // Известия Сибкрайкома ВКП(б). Новосибирск, 1927. № 1. С. 3.

⁴ Там же С. 4.

«ни в коей мере не исчерпывает всей задачи постепенного вовлечения все более широких масс рабочих и крестьян в социалистическое строительство», Р.Я. Кисис прямо поддержал позицию сталинского большинства.

Осознавали ли члены Сибкрайкома ту колоссальную пропасть, которая лежала между пропагандируемым курсом на развитие демократии и реально существовавшими в ВКП(б) тенденциями? Вероятнее всего, да. Более того, они сами постоянно способствовали её углублению. Неоднократно предлагая нижестоящим парткомам «поднять активность партийных масс, вовлекать их в обсуждение и разрешение основных вопросов партийной политики»¹, члены бюро Сибкрайкома, разумеется, не намеревались ни передавать им свои посты, ни прислушиваться к мнению рядовых коммунистов. Это противоречие между декларируемыми установками и реальными устремлениями партийно-советской элиты создавало немалые трудности на пути выбора наиболее оптимальных форм и методов деятельности. Краевое руководство было вынуждено идти на всевозможные «ухищрения», чтобы одновременно внедрять в массовое сознание идею демократизма и не допустить ни малейшего ослабления партийной дисциплины.

Руководствуясь указаниями Сибкрайкома, окружные партийные комитеты вели разъяснительную работу на местах. Понимая под внутривнутрипартийной демократией прежде всего «повышение политической активности членов партии» и «большее их вовлечение в практическую партийную и общественную работу», Барнаульский окружком ВКП(б) на протяжении 1927 г. направил в подотчетные ему райкомы ряд директив². Их текстологический анализ обнаруживает не просто наличие идеологических штампов, в целом характерных для делопроизводства 1920-х годов, но и обширные заимствования из вышеназванной статьи Р.Я. Кисиса. Ссылаясь в своих письмах на требование краевого комитета «более строго и четко проводить здоровую рабочую демократию», руководство Барнаульской окружной парторганизации обращало внимание райкомов на недопустимость «ослабления руководящего влияния выборных органов»³.

¹ *Лела А.К.* XIV съезд ВКП(б) // Известия Сибкрайкома ВКП(б). Новониколаевск, 1926. № 1. С. 9.

² ГААК. Ф.П-4. Оп. 2. Д. 85. Л. 58; Д. 91. Л. 2–3, 122–123.

³ ГААК. Ф.П-4. Оп. 2. Д. 91. Л. 123.

Директивы краевого и окружных партийных комитетов постепенно давали результат. Так, сводка Бийского окружного комитета, направленная в краевой комитет в начале августа 1927 г., содержала довольно оптимистичную оценку ситуации: «Большинство райкомов утверждают, что основная масса партийцев правильно понимают внутрипартийную демократию. Только отдельные члены партии понимают неверно или выступают против демократии»¹. Однако добиться единообразного представления о внутрипартийной демократии от всех парткомов и ячеек Сибири не удалось и к концу 1920-х годов. С наибольшими трудностями Сибкрайком столкнулся в отдаленных от краевого центра районах. Например, проведенная в конце 1927 г. – начале 1928 г. проверка деятельности Тулунского райкома ВКП(б) показала, что постановление краевого комитета по вопросу о внутрипартийной демократии, принятое еще 21 декабря 1926 г., до сих пор проработано райкомом не было, а его члены и вовсе оказались «с ним достаточно не знакомы»².

Наличие такой проблемы было официально признано в апреле 1929 г. XVI конференцией ВКП(б). Резолюция, принятая по докладу о борьбе с бюрократизмом, поручала всем контрольным комиссиям «особое внимание обратить на борьбу с нарушениями внутрипартийной демократии, неуклонно привлекая к ответственности те партийные органы и тех должностных лиц, которые препятствуют проведению в жизнь принципов внутрипартийной демократии»³. К таким нарушениям конференция относила «стеснение свободы высказывания и голосования на собраниях, применение непредусмотренных уставом ограничений выборности, прикрытое и открытое нарушение выборных прав членов партии на смещение любого секретаря бюро, комитета».

Вынесение такой резолюции является дополнительным подтверждением того, что, несмотря на все директивы высшего, губернского и окружного руководства, даже к концу 1920-х годов существовавшие в ВКП(б) представления о внутрипартийной демократии оставались по меньшей мере неоднородными. Сталинское большинство и оппозиция, профессиональные революционеры и партийная «молодежь», обладавшие реальной властью но-

¹ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 1972. Л. 34.

² ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 2699. Л. 10.

³ XVI конференция Всесоюзной коммунистической партии (б): стенографический отчет. М.-Л., 1929. С. 314.

менклатурные служащие и рядовые коммунисты по-разному воспринимали политическую реальность и по-своему интерпретировали внутрипартийную демократию.

Стремление высшего партийного руководства к усилению контроля над нижестоящими партийными организациями обусловило политику навязывания местам представлений, сформулированных в высших эшелонах власти. В результате сложилась абсурдная по своей сути ситуация: пропагандируя на протяжении 1920-х годов демократизацию партийной жизни, ЦК вместе с тем почти полностью лишил местных партийных работников и рядовых коммунистов возможности обсуждать сущность и границы внутрипартийной демократии. Значение этого термина задавалось и могло корректироваться в ту или иную сторону исключительно высшим партийным руководством, тогда как местным парторганизациям отводилась роль немых слушателей, что само по себе противоречило идеи демократизма. Любая интерпретация внутрипартийной демократии, отличная от представлений, господствовавших в ЦК, воспринималась как грубая ошибка и серьезнейшее нарушение партийной дисциплины.

Взяв на себя ответственность за определение сущности внутрипартийной демократии, а также форм и методов её проведения в жизнь, высшее партийное руководство решало, прежде всего, свои собственные задачи. Коррективы, внесенные И.В. Сталиным в понимание внутрипартийной демократии в начале 1924 г., целиком и полностью явились «продуктом» внутрипартийной борьбы. Подмена термина, в результате которой внутрипартийная демократия стала означать не столько свободу всех членов партии выражать свою точку зрения, сколько совершенно абстрактную «самодеятельность масс», являлась попыткой сталинского большинства ЦК использовать рядовых коммунистов в ожесточенной борьбе против внутрипартийной оппозиции.

Новая интерпретация внутрипартийной демократии была довольно быстро и точно воспринята краевым партийным руководством Сибири, но, тем не менее, так и не смогла в полной мере укорениться в сознании низовых партийных работников. Большинство попыток краевого, губернских и окружных партийных комитетов повсеместно добиться единообразного понимания «внутрипартийной демократии» из года в год наталкивались на такие трудности, как малограмотность и пассивность большинства рядовых коммунистов, плохая осведомленность отдаленных

парткомов о решениях вышестоящих органов, очевидные для мыслящей части членов РКП(б) – ВКП(б) расхождения между пропагандированными принципами и политической реальностью. Сохранявшиеся благодаря этому на всем протяжении 1920-х годов многочисленные отклонения от официально провозглашенной точки зрения позволяли как высшему, так и краевому руководству поддерживать видимость активной борьбы за проведение внутрипартийной демократии, маскируя тем самым укрепление собственных позиций.